

А.И.Клепайло, ведущий редактор
Национальный институт винограда и вина «Магарач»

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» М.С.ВОРОНЦОВА И Н.А.ГАРТВИСА: ОТ ЗАМЫСЛА – К ВОПЛОЩЕНИЮ

*Доклад на XIII Крымских Международных научных чтениях «Воронцовы и русское дворянство»,
3-4 октября 2012 г.*

Российский историк А.Чубарьян однажды заметил, что в наши дни история все больше превращается в науку о человеке, о человеческих страстях. Для понимания, а значит, извлечения уроков деятельности генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова в Крыму и ключевых фигур преобразований очень заманчиво иметь представление о той тонкой организации их натуры, что мы зовем душой, о взаимоотношениях этих людей, о том, как справлялась личность с обретением нового опыта. Герои тех дней позаботились, чтобы потомкам осталось их слово.

Сегодняшний исследователь, изучая деятельность М.С. Воронцова и директора Императорского Никитского сада Н.А. Гартвиса, останавливает внимание на таких ключевых выражениях своих героев, как «старался быть примером», «образцовый», «долгом своим считаю», «общественная польза», «тотчас, не теряя времени». Для николаевской эпохи эти слова звучат некоторым диссонансом, а успех их дела представляется феноменом, еще не вполне разгаданным.

За время работы Н.А. Гартвиса смотрителем (2 года) и директором (34 года) Императорского Никитского сада коллекции дендрария выросли в два с половиной раза, было создано Магарачское училище виноделия, а вместе с ним зародилась новая для России отрасль промышленного производства. Позже эти годы (1824-1860) были названы В.Л. Симиренко «золотым веком» в истории Сада¹.

Однако если обратиться к сухому языку документов, «Журналу рапортов Императорского Никитского сада», то это же время окажется насыщенным различными испытаниями, лишениями, неразрешимыми проблемами. Директор Сада, подобно стойкому оловянному солдатику, вынужден был постоянно с чем-то бороться: с задержкой средств на содержание Никиты и Магарача, с нехваткой работников, с неповиновением и проступками учеников, с придирками чиновников. И его особо подгоняло время. Поскольку дело касалось живых организмов, решение каждой проблемы Н.А. Гартвису нельзя было отложить – чтобы сделать новые посадки весной, в зимнее время нужны были люди для вспашки земли, средства для закупки продовольствия и платы за работу. Если почта долго доставляла посылки с саженцами из-за границы, те могли погибнуть в пути. Время поджигало его и с продажей всего выращенного в многочисленных питомниках: держать там саженцы больше года или полутора лет было нельзя, они развивались и в тесноте душили друг друга. Покупателей же было немного.

Трудно сказать, имелись ли достаточные предпосылки для воронцовского замысла – создать на Южнобережье уголок цивилизации средиземноморского типа. Значительные земельные пространства не имели хозяина и рабочих рук. В одном из писем М.С. Воронцову Н.А. Гартвис сетовал на то, что все делается «немного наспех», в другой раз он отмечал, что среди наемных рабочих всегда встречаются неблагополучные лица. И тогда, и позже у наемных рабочих на виноградниках в Крыму отсутствовала, по выражению М.Балласа, «утонченная заботливость» французского крестьянина по отношению к земле.

Но все новое утверждается болезненно, оно означает разрыв с привычным, с традицией, расширение пределов возможного. На местах у власти был единый инструмент для проведения своей политики – солдаты. Они обеспечивали порядок, охрану и сопровождение грузов, строительство дорог, морские перевозки (батальон греческих лодочников). На них рассчитывали М.С. Воронцов и Н.А. Гартвис, задумывая Магарачское заведение как центр виноградарства и виноделия. В первую свою встречу в 1825 году они определили приоритеты среди культур Южнобережья – виноград и оливы. Тогда же Н.А. Гартвис основал плантацию оливок, а на следующий год перезаложил коллекцию сортов винограда для научного изучения, Никитский сортимент лоз, взяв за основу географический принцип.

М.С. Воронцов же, пользуясь давними связями во Франции, выписал лозы из Бордо и в 1825 году основал виноградник в Ай-Даниле, где первые посадки на 8 десятинах земли сделали крестьяне из его северных имений под руководством виноградаря Лейкса [4, 66].

В развитие своих планов на Берегу (так именovali тогда Южный берег Крыма наши герои) М.С. Воронцов в начале 1828 года написал в Никиту частное письмо на французском, что послужило началом долголетней переписки между ним и директором Сада (1828 – 1841). М.С. Воронцов писал в Никиту из Одессы, зачастую передавая письмо с оказией, из Санкт-Петербурга, Белой Церкви и Лондона, то есть и тогда, когда он не находился непосредственно на службе. Изучение 49 писем Н.А. Гартвиса, написанных на французском языке и хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (возможно, там большее их количество), позволяют взглянуть изнутри на начало «золотого века»: хронику событий и отношения между самыми деятельными и привлекательными, но достаточно «закрытыми» внешне людьми.

¹«Длинный период директорства Н.А. фон Гартвиса – это своего рода золотой век Никитского сада. Почти все, что есть в этом учреждении замечательного, связано с его именем и относится к этой светлой поре его жизни...» В.Л.Симиренко.

Особенно интенсивной эта переписка была в начальный период: в 1828-м Н.А. Гартвис отправил патрону 12, в следующем году – 11 писем. Как следует из текстов, М.С. Воронцов предложил время от времени сообщать ему «о новостях на Берегу, прогрессе наук и успехах в разведении культур». Письмо генерал-губернатора вызвало небывалый прилив энергии у «вдохновленного добротой графа» Н.А. Гартвиса. Его ответ от 15 января 1828 г. поражает восторженностью, идеализмом, дерзостью первопроходца. Говоря о выращивании олив, он заверяет: *«...мы придем к цели, приложив все возможное упорство и помня, что это – работа, за которую последующие поколения должны будут благодарить нас»* [1,1].

Примечательно, что в каждом письме он описывал погоду и состояние растений в Никите, довольно часто – в Ай-Даниле и Алушке. Эти развернутые, яркие характеристики дают представление о мироощущении человека, которого радовало любое движение жизни, – проросшие оливковые косточки, первые листья на оливковых деревьях, пострадавших от безжалостной зимы, но особенно – цветущие растения. Очень часто в текстах Н.А. Гартвиса встречаются слова «радость», «удовольствие», «наслаждение», и это всегда относится к растительному миру. Погода была первым условием его успешной деятельности. Как истинный романтик, и в то же время рачительный хозяин, он живо откликался на любые ее проявления. 1 декабря 1828 г. он писал графу:

«Вы покинули нас в тот момент, когда Север неожиданно решил оспорить у Юга власть над нашим бедным Берегом, и с этих пор вот уже более 10 дней мы были огорчены и подавлены этим злым вторжением и невозможностью ничего сделать до такой степени, что уже поверили было в печальную катастрофу прошлогодней зимы. Однако, к счастью, кажется, что борьба детей Эола закончилась обильным снегом, который еще и сейчас покрывает наши горы и даже сосновый лес у их подножия. Вот уже два дня стоит ясная, хотя и очень свежая погода, которая благоприятствует нашим работам» [1,7].

В 11 из 12 писем 1828 года идет речь о претворении в жизнь их важного замысла – устройстве Магарачского заведения, из которого лучшие виноградные лозы распространялись бы по всему Крыму, а затем – и по Бессарабии. Как известно, М.С. Воронцов для продвижения своих идей избегал министерских чиновников, предпочитая личные контакты с Николаем I. Так было и на этот раз. В марте 1828 г. он «соблаговолит уведомить» Н.А. Гартвиса в том, что встречался с императором и его величество одобрил все, что М.С. Воронцов желал бы для развития Берега. С тех пор директор Сада решительно приступил к делу, спрашивая в каждом письме, есть ли постановление насчет Магарача. В апреле он отправил М.С. Воронцову рапорт №41, где сформулировал цели и задачи нового учреждения. Затем сообщил о том, что приготовил домик для виноградаря, устроил кирпичный и черепичный заводики, закупил строительного дерева, «чтобы легко и на месте» иметь основные материалы для постройки казармы для солдат и общежития для учеников. Стараясь использовать теплое время года, он нанял бригаду курских каменщиков, но «ока-

зался в затруднении», не имея средств для оплаты.

Следующий контакт М.С. Воронцова с царем произошел только в августе-сентябре, во время русско-турецкой войны, где генерал-губернатор был главнокомандующим русского флота. Указ о лесоразведении, развитии садоводства, виноградарства и виноделия, где был пункт о создании на землях Императорского Никитского сада специального заведения, был подписан императором 14 сентября 1828 года. И только в конце года директор Сада стал получать деньги на Магарачское заведение, когда прибыли ученики из Воронежского дома общественного призрения. Н.А. Гартвис сожалел в письме, что отобрали детей 10-12 лет, которые не могли быть использованы ни на какой серьезной работе.

Требовалось, прежде всего, очистить землю под будущий виноградник. У Н.А. Гартвиса была надежда на вольнонаемных и солдат, но их не просто было достать – продолжалась русско-турецкая война, солдаты нужны были в караулах. Впоследствии мольбы Н.А. Гартвиса оставить солдат из Таврического гарнизонного батальона для зимней вспашки земли стали постоянными. Он жаловался генерал-губернатору: «полковник требует их беспрестанно».

Были у директора Сада и другие планы раздобыть работников: он предлагал М.С. Воронцову устроить на Берегу поселение военных инвалидов, разместить молодых немецких переселенцев из Елисаветграда, обращался сам к губернатору Тамбова с просьбой о рабочих. Если не считать однажды присланных караимов, которые должны были подати, почти всегда выручали солдаты.

Таковыми же постоянными были и его обращения к генерал-губернатору о своевременном выделении средств на содержание заведений (10 тысяч рублей на Никиту и 5 тысяч рублей на Магарач в три приема). Если до 1831 года М.С. Воронцов мог помочь непосредственно – деньги выделялись из его канцелярии, то впоследствии, когда они стали идти из Таврической казенной экспедиции, сделать это издали генерал-губернатору было труднее. Н.А. Гартвис просил у патрона извинения за назойливость, но уверял, что может рассчитывать только на его доброе участие.

С культурой винограда Н.А. Гартвис сосредоточил работу по трем направлениям: в Никитском сортименте лоз за каждым экземпляром предполагалось вести многолетние наблюдения; в казенный виноградник – высаживать хорошо зарекомендовавшие себя в Крыму сорта; чубуки вновь поступивших из-за границы сортов направляли в многочисленные питомники для окоренения, чтобы потом пустить в продажу или пополнить основной виноградник. Бывало, реальность ломала его планы. Так, 15 марта 1828 года он сообщил М.С. Воронцову, о прибытии из Италии посылки:

«...всего 104 сорта, но из-за ужасных холодов и по неосторожности, которую совершили, поместив их в слишком влажный мох, они прибыли почти погибшими, и я сомневаюсь, что мне удастся сколько-нибудь спасти. Однако теперь я знаю все, что можно извлечь из этого опыта и надеюсь, что во второй раз... все образцы придут здоровыми...» [1,3].

Опыт работы с культурой винограда они приобрели

ретами оба одновременно. В дальнейшем пересылать большие партии посадочного материала винограда генерал-губернатор старался с кем-то из надежных людей, не пользуясь услугами почты.

Образцовый казенный виноградник в Магараче необходимо было закладывать уже проверенными в крымских условиях европейскими сортами, чтобы урожай шел на приготовление вина. Такие сорта были только на трехлетнем винограднике в Ай-Даниле у М.С. Воронцова. Н.А. Гартвис, планируя дальнейшее, обратился к графу 16 октября 1828 г.:

«Я не знаю, где брать саженцы, потому что я рассчитываю высаживать только наилучшие сорта... я обращаюсь к великодушному господину графа, умоляя его дать распоряжение, чтобы я смог получить из богатого виноградника в Ай-Даниле от 15 до 20 тысяч лоз... Мы постараемся быть достойными доброты графа, снабжая Алупку лучшими из полученных столовых сортов винограда и смоковницами итальянскими» [1,13].

Следует указать, что и барон Боде не остался в стороне – предоставил 8 тысяч лоз бургундских сортов из Судакского училища виноделия и поделился орудиями труда.

1829 год был испытанием для них двоих. Уже имея французские сорта винограда, М.С. Воронцов задумал перенести в Крым сорта с берегов Рейна, а затем – из Испании, поручив Н.А. Гартвису подготовить их списки и предложив тому выбрать место для устройства виноградника в своем новом имении Массандра. Генерал-губернатор, что называется, шел ва-банк: ни один человек в мире не знал, как поведут себя иноземные сорта в новых условиях и главное, будут ли пригодными вкусовые и ароматические качества ягод для изготовления вина.

В течение года он закупил за собственные средства у разных лиц и переправил в Крым в два приема 40 тысяч лоз. Это была стратегическая операция для генерал-губернатора – чтобы груз доставить живым, сухим путем в две с лишним тысячи верст, следовало обеспечить его сопровождением на всех участках, предусмотреть множество деталей.

Как следует из письма Н.А. Гартвиса от 15 июня 1829 г., первая партия, в 25 тысяч лоз из Ридесгейма и Иоганнесберга прибыла в Никиту в исправности, если не считать недостачи в 850 лоз, о которой педантичный Н.А. Гартвис доложил патрону, заметив, что ответственность лежит на сопровождающем груз полковнике Ревелиотти. Лозы долго были в пути, прибыли в начале июня – довольно поздно для посадки. Положение осложнялось тем, что в Ай-Даниле было вскопано слишком мало земли (из-за болезней работников) для того, чтобы посадить такое огромное количество лоз. Согласно воле графа, Н.А. Гартвис передал в Мисхор и Судакское училище виноделия 1000 лоз, часть посадочного материала отправил в Массандру, а в Ай-Даниле прибывшие лозы частично разместили среди имеющихся насаждений. 300 лоз он взял для Магарача.

Несмотря на крайнюю занятость, он регулярно бывал на винограднике в Ай-Даниле и сообщал графу о возникших проблемах. Некоторые сорта винограда недостаточно хорошо себя зарекомендовали (даже местные – Асма и Шабаш), Н.А. Гартвис предлагал их выкопать или перепривить, исполь-

зуя «самых разумных» своих учеников, другие сорта могли «утонуть в избытке своей силы» и нуждались в повторной обрезке и обломке побегов. В дальнейшем те сорта, которые в Ай-Даниле развивались хорошо, Н.А. Гартвис просил для Магарача, в то время, когда проводилась обрезка винограда.

У него было особенно много работы – численность подопечных в 1829 г. увеличилась втрое и составляла около 70 человек. Нужно было обеспечить крышей над головой, пайком и работой малолетних учеников Магарача и старших учеников Никиты, постоянных рабочих, а кроме того – 20 наемных рабочих и 20 солдат Таврического гарнизонного батальона, которые все зимние месяцы вскапывали землю под будущий виноградник, выкорчевывая деревья, крупные камни и убирая отдельные холмы.

Н.А. Гартвис сообщал графу, что его воображение уже рисует ему зеленеющий склон, хотя на деле есть только участок истоптанной земли:

«Я признаюсь, что каждый день снова получаю удовольствие, видя, как продвигается эта работа» [1,21].

Засаживали виноградник ученики Никиты во главе с директором Сада. Ему также пришлось весной заниматься строительством казармы для солдат и дома для учеников – все они зимой временно жили в доме для виноградаря. Недомогание от перенапряжения, которое он испытывал летом, закончилось осенью «нервной горячкой», от которой Н.А. Гартвиса спасала жена – ни один врач не захотел приехать из Симферополя, как он сообщил графу.

Они оба рассчитывали, что с тех пор, как виноградник в Магараче вступит в полное плодоношение и вина будут продаваться, финансовое положение заведения несколько улучшится и Магарач перейдет на самоокупаемость. Но на деле оказалось, что для выдержки вин нужно строить дорогостоящий погреб, для продажи вин необходимо было закупить дубовые доски и изготовить небольшие бочонки. Расширение посадок вызвало нужду в дубовых кольях для подпорок. Все необходимое для работы не было предусмотрено в смете, чиновники придирались к Н.А. Гартвису при ее рассмотрении и он каждый раз «покорнейше просил» генерал-губернатора утвердить ее.

С 1839 года смету утверждал уже не М.С. Воронцов, а министр государственных имуществ в Петербурге. Зная об этом из уведомления исполняющего должность генерал-губернатора Новороссии и наместника Бессарабии военного губернатора П.И. Федорова от 14 января 1839 г. [2,9], Н.А. Гартвис, тем не менее, отослав смету в Петербург, 31 декабря 1839 г. обращался за защитой к М.С. Воронцову: «... осмелюсь умолять Ваше Сиятельство дать приказание об утверждении этих смет...». Очевидно, М.С. Воронцову приходилось нарушать субординацию и вмешиваться в дело.

Вообще Магарачское заведение до 1838 года, когда состоялась первая публичная продажа вин (под которую он взял 2 тысячи аванса у М.С. Воронцова), существовало каким-то чудом: виноградник занимал 6 десятин земли, а вспашка десятины стоила 1 тысячу рублей. Годовая сумма на содержание заведения не менялась – 5 тысяч рублей. Когда средства иссякали, Н.А. Гартвису приходилось прекращать все работы, однако паек ученикам

выдавался всегда. Об этом, а также о том, что иногда ему приходилось закупать растения за границей за собственный счет, в том числе и для М.С. Воронцова, директор Сада сообщал тому в письме от 15 января 1839 г.

Часто и подолгу бывая в Лондоне, М.С. Воронцов наладил связи с председателем Общества садоводов Томасом Эндрю Найтом, известным специалистом по плодовым культурам, и через него – с другими членами этого общества. М.С. Воронцов передавал в Никиту посылки с растениями. В 1833 году от него были получены несколько десятков чайных кустов, в то время как вывоз их из Китая был «под страшной казнью запрещен» [6,45]. Просьбы английских садоводов, как правило, касались местных видов. Некоторые заказы в Никите было легко выполнить, – так, семян можжевельника казацкого можно было отправить «сколько угодно», поиск же иных видов превращался в сложную задачу. Например, просили крымские и кавказские виды земляники. Н.А. Гартвис в письме от 19 декабря 1837 г. обещал графу собрать требуемое не только в Крыму, но и на Кавказе, где в это время работала научная экспедиция, организованная им с М.С. Воронцовым:

«Наши ботанические труды «Флора тавро-кавказская» и путешествия Гильденштейна и Палласа говорят только о двух видах, которые в диком виде присутствуют в наших Крымских горах. Особенно обильны они на Байдарах и у подножия Чатыр-Дага. Не имея семян, я смогу весной выкопать растения, которые могут быть отправлены в Англию в августе-сентябре через посредничество господина Фишера... Я также напишу Иеншу с оказией в Севастополь и попрошу моего маленького садовника собрать все сорта, что он найдет там» [1, 40].

В свою очередь, Н.А. Гартвис тоже ставил перед патроном непростые задачи:

«Осмелюсь еще просить господина графа, если это возможно, приобрести в каком-нибудь торговом доме Лондона виноградные лозы с мыса Доброй Надежды и с Мадейры – это не должно быть слишком сложно.

Постараюсь отправить побеги Изабеллы – этот виноград созревает в Англии только в теплице: так как у него кожица очень плотная, ему необходимо намного больше тепла для созревания.

Побеги виноградной лозы, которые нам отправили из Андалузии, очень небрежно выбрали. Среди них нет почти ничего, кроме крупного позднего винограда, который не обещает ничего в нашем климате. Возможно, господин граф пожелает еще раз сделать попытку заполучить самое лучшее, что есть из Хересов, в частности, сорта Увадель Рей, Москатель менудо бланко, а также из любопытства еще Педро хименес (наш этот сорт весь из Франции), с небольшим количеством Гинтилла и черного Моллар. При случае их легче найти в Англии: по словам Басби, в Хересе среди прочих имеются 2 респектабельных английских торговых дома: Вильсон и Джеймс Гордон, которые имеют тщательно

обработанные виноградники с вышеуказанными сортами в окрестностях Хереса» [1,55].

Стоит заметить, что упомянутая книга Джеймса Басби «Дневник недавних путешествий на виноградники Испании и Франции» (Лондон, 1834) была, скорее всего, подарком графа – в окружении Н.А. Гартвиса никто больше в Лондон не ездил, а М.С. Воронцов провел там почти весь 1836 год². Обращает на себя внимание также тот факт, что Н.А. Гартвис повторно просил сорт Педро хименес. Из этого испанского сорта винограда в Крыму получали великолепные ликерные вина, а в Европе – знаменитую малагу (вино, приготовленное по особой технологии с увариванием части суслу). Но, присланный из Франции, посадочный материал мог в чем-то утратить первоначальные качества, приспособившись к более прохладному климату. Н.А. Гартвис хотел иметь оригинальный сорт, ведь в отношении южнобережных вин они с графом преследовали одну цель: узнать, «до какой степени совершенства они могут прийти». Впоследствии упомянутый сорт винограда несколько видоизменился и приобрел новые качества, так что дореволюционные виноделы называли его Педро крымский.

Подробно обсуждались в письмах и образцы вин, полученных в Магараче и в артековском имении Н.А. Гартвиса. В 1830-е годы он активно экспериментировал с составлением купажей, т.е. с изготовлением вин из разных сортов винограда в определенных пропорциях и к приезду М.С. Воронцова подготавливал для дегустации самые интересные образцы.

Небольшое имение в Артеке Н.А. Гартвис приобрел на личные сбережения и ссуду в банке. Очевидно, у них была устная договоренность о дополнительном жаловании для Н.А. Гартвиса в связи с устройством Магарача. Директор Сада поднимал этот вопрос довольно часто, как в официальной, так и в частной переписке, поскольку ссуду ему нужно было погашать. М.С. Воронцову ежегодно приходилось изыскивать разные источники для дополнительного жалования. Н.А. Гартвис же тратил эти средства на расширение посадок в Артеке, каждый раз сообщая своему адресату, что именно посажено. За лозы, приобретенные графом для артековского имения, Н.А. Гартвис расплачивался из своих средств, впрочем, иногда граф объявлял их подарком. Именно в Артеке, а не в Магараче директор Сада проводил опыты с виноматериалами, устраивая зимой раннюю переливку, то есть экспериментировал, рискуя собственным добром. В этом они были едины с генерал-губернатором.

Примечательно, что в первый период развития Императорского Никитского сада, когда там активно аккумулировался европейский опыт, новый научный центр вносил свои крупницы в общую копилку знаний, и не только поставкой и описанием местных видов. Еще в первом письме от 15 января 1828 года Н.А. Гартвис сообщал М.С. Воронцову, что по его указанию отправил Гумбольдту сведения о средних температурах в Никите. Всемирно

² Как и другие книги из библиотеки Н.А. Гартвиса, что удостоверяется его автографом на титульном листе, данное издание находится в настоящее время в фондах научной библиотеки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Некоторые другие издания («Историография Франции», Париж, 1806; «Управление финансами Франции», Париж, 1817) из его библиотеки также могли быть подарены М.С. Воронцовым.

известный ученый в то время занимался изучением климата и создавал свое учение об изотермах. (М.С. Воронцов, скорее всего, познакомился с ним в 1818 году на Аахенском конгрессе, посвященном послевоенному устройству в Европе. А.Гумбольдт, далекий от политики, прибыл туда просить денег на азиатскую экспедицию).

Контакты с научным миром у директора Сада в 30-е годы были исключительно эпистолярными, да и те только налаживались – вот почему ему так важно было иметь сообщника, поверенного в делах в лице М.С. Воронцова. В период составления полного каталога культур Никиты в 1833 г. Н.А. Гартвис спрашивал у графа, удачна ли его компоновка, и обращал внимание патрона на то, что в год его приезда из Лифляндии в Никиту, 1824-й, ассортимент деревьев и кустарников в питомниках только на букву А насчитывал 21 единицу, а через десять лет – уже 80. Посылая графу рукописный вариант, Н.А. Гартвис просил того отпечатать каталог в Одессе и распространять с «Одесской газетой». Каталог сортов винограда он планировал составить немного позднее, после плодоношения, чтобы избежать путаницы в названиях сортов. Письмо от 13 мая 1833 года позволяет определить также, что работы по селекции винограда были начаты Н.А. Гартвисом практически сразу после указа 1828 года о создании Магарачского заведения:

«Как только я закончу каталог декоративных и фруктовых деревьев, я примусь за составление каталога виноградной коллекции, но, чтобы не дать неточные сведения, я бы попросил у Вашей Светлости разрешения подождать до окончания этого сезона, чтобы определить с большей точностью количество синонимов и увидеть, как плодоносит большинство образцов, которые должны дать первый урожай.

Кроме этого у меня еще есть 500 черенков винограда, выращенных из косточек лучших старых сортов, из которых 50 черенков по 4-5 лет, на которых уже появляются первые грозди. Чрезвычайно любопытная вещь этот посев из косточек, обещающий новые интересные и бесконечные вариации» [1].

Во время двух кавказских экспедиций Сада, совместно ими организованных, он сообщал графу о новостях и научном материале, периодически доставляемом с военными судами.

Н.А. Гартвис «имел честь» читать М.С. Воронцову свою работу о разнообразии сортов винограда. Директору Сада очень хотелось, чтобы его опыт наблюдения над поведением европейских сортов в Крыму, впервые в России, принес «общественную пользу», то есть был опубликован. К сожалению, Кеппен, чиновник 3-го департамента, не смог этого добиться, как и присвоения директору Сада ранга коллежского асессора. Чиновников интересовали только отчеты. Очевидно, М.С. Воронцов предложил свои услуги для того, чтобы работа была опубликована во Франции, поскольку среди писем Н.А. Гартвиса генерал-губернатору есть текст данной работы на французском языке. Возможно, ему это удалось, поскольку в одном из самых авторитетных трудов того времени, «Всемирной универсальной ампелографии» Одара (6-е изд., Париж, 1874), есть многочисленные ссылки на ва-

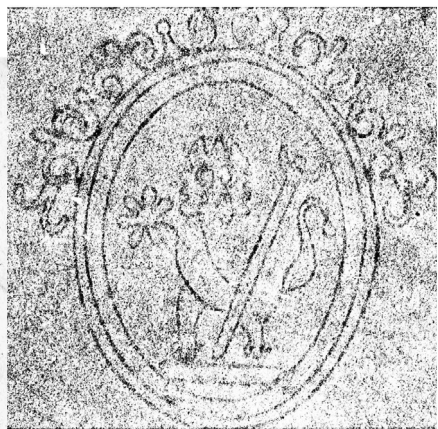
риации сортов (в современной терминологии – клонов), замеченные Н.А. Гартвисом. В одной из предыдущих статей мы выражали предположение об их переписке, однако упоминаний о ней нет ни в официальной, ни в частной переписке с М.С. Воронцовым. Тем не менее, опыт Н.А. Гартвиса был использован в Европе.

Как можно понять из писем Н.А. Гартвиса, М.С. Воронцов спрашивал его мнения о нраве и деловых качествах специалистов, работающих в его имениях (Хек, Леикс, Кебах, Белло, Кирчнер), в Никите и Магараче, на что получал беспристрастные характеристики. В любом случае с ними не расторгли договор, поскольку замены не было. Так, после горького опыта работы с виноградарем и виноделом Фельдманом Н.А. Гартвис в 1829 г. вынужден был сообщить, что тот пьет прямо в винном подвале, «вещь неслыханная», исчезает надолго по своим делам. На уборку винограда в Магарач Фельдман прибыл только 10 ноября, в проливной дождь и был отправлен сразу в Ай-Даниль, где дожидался уборки большой виноградник М.С. Воронцова (в пору, когда приборы, определяющие степень зрелости винограда, содержание в ягоде сахаров и кислот, еще не были созданы, все зависело от вкусовой памяти винодела, поэтому его присутствие и распоряжения при уборке винограда, которая могла быть выборочной, были обязательными). Между тем договор с Фельдманом предусматривал выплату жалования в размере 3 тысяч рублей – из 5 тысяч, выделяемых на содержание Магарача. Вердикт М.С. Воронцова был милосердным: прикомандировать Фельдмана к Ай-Данилю и Ореандскому имению.

Поскольку в Никите и Магараче был очень большой объем работы и сверх того следовало заниматься с учениками, садовники заведений обычно подыскивали себе более выгодные места работы у частных хозяев. Н.А. Гартвис особенно нуждался в специалистах в зимнее и весеннее время, когда нужно было следить за тем, чтобы вспашка земли солдатами и вольнонаемными выполнялась добросовестно. Зачастую эти обязанности ложились на директора Сада. Он находился в перманентном поиске садовников и увлеченно описывал достоинства кандидатов М.С. Воронцову, но зачастую его надежды не оправдывались – то достоинств оказывалось меньше, то кандидат после увеличения жалования «имел низость» остаться у прежнего хозяина (Соммер). Впрочем, Н.А. Гартвис очень похвально отзывался о Гуле, проработавшем 8 лет, о лучшем ученике Никиты Николае Петрове, исполняющем обязанности помощника садовника, по крайней мере, 6 лет.

Помощь М.С. Воронцова была разнообразной, в ряде случаев не связанной с его должностью. Он что называется, выручал, подставлял плечо – как в бою. Согласился за свой счет (3 000 рублей годовых) содержать врача для Никиты и Ай-Даниля (18 работников), после того, как Н.А. Гартвис в 1829 году сообщил о своей «нервной горячке». Выручил М.С. Воронцов и в ноябре 1833 года, доставив зерно - в России еще летом начался голод в результате засухи в Поволжье и Н.А. Гартвису с помощью Кеппена, который был летом в Одессе, удалось купить только половину от требуемого на год зерна, а в Крым его не завезли вовсе. Был случай, когда

О Заведении
и инвентарь в состоянии
Императорского Магаракского
Училища виноделия.

№ 6 Октября 1828 года, по распоряжению
Е. С. Г-на Новороссийского Генерал-
Губернатора Графа М. С. Воронцова,
означено и огорожено тутто в даче
Магарак принадлежащей Императорскому
Никитскому Саду, для раз-
ведения образцового казенного виноградища.
Онъ участокъ земли пространствомъ
до шести десятинъ: / занимаемый и былъ
большей частию виноградными планта-
циями / - и имеет местоположение самое
выгодное, обращенъ весь къ полудню,
закрываетъ отъ ветровъ со стороны Севера
Запада и частию съ востока высокимъ
холмаки, и простирается уступами,
маленькими ровными и вообще
постепенными скатомъ почти до самого
берега Черного моря. #)

#) После раздачи казенныхъ земель изъ дачи Магаракъ
въ частию руки для разведения виноградищъ,
осталось крохотъ выше сказанныхъ 6 десятинъ, ~~и~~
около 50 десятинъ земли принадлежащей къ
И. училищу виноделия. - Западнйй участокъ сей земли, и именно
местности въ саду и обросшии отчасти итскими, отчасти иткоторыми
плодовыми деревьями, остатками садовъ разоренной греческой деревни
Магаракъ, - по распоряжению Е. С. Графа М. С. Воронцова
въ зиму 1835го на 1836 годъ огороженъ и огороженъ для разведения въ немъ

Н.А. Гартвис, не очень заботясь о субординации, просто выслал графу в Одессу с пароходом пакет с виноградными лозами сорта Рулендер, сделав приписку о том, что «осмелится просить» передать его Нессельроде, но не знает адреса того в Бессарабии.

Иногда он деликатно подсказывал патрону, как, по его мнению, тому стоит поступить. Так, после сообщения М.С. Воронцова в 1838 г. о грядущем отъезде в Петербург, в то время когда Н.А. Гартвис рассчитывал на присутствие генерал-губернатора и его окружения при первой публичной продаже магарачских вин, директор Сада предложил патрону прислать Муромцева наблюдать за продажей и поинтересовался – быть может, людям в Одессе будет любопытно познакомиться с южнобережными винами? То есть М.С. Воронцов должен был организовать своего рода рекламную кампанию в пользу Магарача.

Если говорить о сопротивлении материала, то самым сильным оно было со стороны учеников Никиты. Тяжелый труд на земле, тем более – подневольный, непривычный климат, дисциплина, запрет есть фрукты, которые они видели вокруг себя в изобилии – все это давало повод для ответной реакции. Мишенью же был главный человек – директор. Действия происходили по одной схеме: трое старших учеников составляли жалобу и вручали ее младшим. Дурной традицией стала, выражаясь современным языком, «дедовщина». В «Журнале рапортов...» есть официальные ответы Н.А. Гартвиса на жалобы учеников в 1832-м, 1834-м и 1840-м годах (главные обвинения – плохое питание и отсутствие помощи при болезни). По его словам, паек ученикам выдавался полностью, за сало сверх пайка ученики добровольно платили артельщику 12-15 рублей в год и у них оставалось еще 35 рублей на починку белья и обуви; больных лечили в ялтинской больнице и на месте, помогала его жена, с 1833 года исполнял обязанности фельдшера один из учеников. Н.А. Гартвис сообщал, что за свой счет покупает лекарства в Одессе и Петербурге. Он даже приложил счет из больницы в Ялте на 216 рублей за лечение 8 людей. По его измененному почерку в ответе гражданскому надзирателю Деклеизу, как в 1834-м, так и в 1840г. видно, что он очень подавлен случившимся [3,25-27]. В 1835 г. он дважды просил избавить его от двоих «бесполезных, вредных» учеников, но в Симферополе не знали, куда их определить, и вернули в Никиту.

Объяснение М.С. Воронцову по поводу инцидента 1840 г. Н.А. Гартвису писать было трудно, прежде всего потому, что граф «кажется, поверил» в то, что он не проявляет заботы об учениках. Поводом послужили дерзости, которые наговорили трое учеников судье и их последующая жалоба. Ответ директора Сада выдержан в сильных выражениях: «...моя совесть чиста... Хотя я и знаю, что жизнь в этом мире оплачивается неблагоприятностью, и что делаешь добро только ради добра, однако же я был возмущен абсолютным отсутствием признательности у этих плутов...я им выделил хороший орошаемый участок под огород, они получали семена и рассаду... Очень часто я был вынужден заставлять этих лентяев работать под присмотром унтер-офицера, чтобы обеспечить их достаточным количеством здоровой пищи...» [1,56].

Н.А. Гартвис сообщил, что большинство учеников – это парни 18-20 лет, которые продают часть своего пайка, чтобы сидеть в кабаках и пользоваться услугами дурных женщин. Будучи далек от мщения, он предложил генерал-губернатору самому установить наказание зачинщикам.

Второй пример, когда Н.А. Гартвис потерял душевное равновесие и поделился своим состоянием с патроном, связан с горем в семье лифляндцев, работавших в его имении в Артеке. Молодая женщина, прекрасная хозяйка, умерла родами, ожидая четвертого ребенка, который также вскоре умер. Чета Гартвисов провела Рождество на похоронах, привезя зимние цветы из Никиты. Странным образом эта трагедия повторилась в конце жизни с Н.А. Гартвисом – он таким же образом потерял вторую жену и новорожденную дочь и остался без наследников.

Приватная переписка с М.С. Воронцовым велась в период, когда Н.А. Гартвису было от 35 до 48 лет. Можно заметить, как постепенно усталость от непомерного напряжения сказывалась на этом человеке – крымская земля сполна отдавала за работу, объем работ увеличивался, а он по-прежнему один отвечал за все. На рубеже 1840-х годов был случай, когда он извинялся перед графом за поддержку в ответе – готовил три отчета в министерство – как всегда, подошел к делу досконально, так как допускал, что результаты его нелегкого опыта могли быть востребованы, то есть опубликованы. Другой раз сетовал на то, что не имеет ни одной свободной минуты, а постоянные хлопоты, неукоснительный надзор за рабочими и учениками, мелочи экономии очень сказались на его здоровье. Но даже в это время его спасала вечная движущая сила Природы. Особенно радовало его зимнее, неуточное тепло:

«Зима продолжает проявлять свой мягкий характер, маленькие заморозки у нас были только 21-24 декабря. Дни продолжают быть теплыми, несколько раз ночью шел дождь, но почти не бывает ни одного дня, чтобы солнце не показывалось на несколько часов во всей своей полуденной красе и величии. Цветут розы, а также левкой летние и зимние; благоуханный химонантус в полном цвету насыщает воздух гиацинтовым ароматом, очень сильным у этих цветов. Цветут даже такие весенние цветы, как тосканские анемоны и цикламены; японская мушмула еще не закончила свое цветение, и всевозможные вечнозеленые кустарники, напоенные влагой и нисколько не тронутые холодом, представляются во всем великолепии своей зелени и свежести. Особенно же стоит увидеть их при солнечном свете» [1, 58].

Генерал-губернатор сообщал о подобных впечатлениях с берегов Туманного Альбиона и Н.А. Гартвис «с наслаждением ... следовал в своем воображении за господином графом в его прогулках среди изобилия вечнозеленых деревьев и кустарников в парках и садах Англии и Шотландии» [1,51]. При этом директор Сада замечал, что окраска лавров благородных в Крыму несказанно прекраснее тех, что ему довелось видеть в Германии и Франции, где их зелень имеет мрачноватый оттенок.

Утонченное чувство красоты растительного мира, должно быть, особенно крепко связывало эти родственные души. Возможно, в этом и заключается

ответ на вопрос, почему так блистательно был реализован их план создания «просвещенной роскоши садов». По воле М.С. Воронцова и за предоставленные им средства³ был создан «увеселительный сад» вокруг подвала в Магараче (1500 рублей), реконструированы Линнеева ротонда в Никите (1350 рублей), оранжерея, выполнено озеленение Бахчисарайского дворца силами прикомандированных учеников Никиты (400 рублей). Об этом также есть упоминания в их переписке.

Рассматривая отношения между этими людьми, можно вспомнить о любопытном документе в архиве НИВиВ «Магарач», уже описанном нами [5, 113-117]. Мы возвращаемся к нему потому, что считаем, что речь идет об изящном подарке М.С. Воронцова Н.А. Гартвису.

Рукопись «О заведении и нынешнем состоянии Императорского Магарачского училища виноделия» представляет собой 9 листов текста, относящихся, скорее всего, к октябрю 1837-го года (поскольку «ликерные вина еще не сделаны»). Первый лист заполнен Н.А. Гартвисом, остальные – другим, каллиграфическим почерком. Левый край листов неровный, «рванный», то есть это листы из альбома, причем каждый из них имеет водяной знак, особенно четко читаемый на чистом, 10-м листе. О том, что это был единственный экземпляр, изготовленный кустарно, говорит то, что данный знак расположен «вверх ногами» по отношению к тексту.

Водяной знак выполнен в виде трехконтурного овала с вензелями поверху, в который вписано профильное изображение стоящего на задних лапах льва с лицом человека. Лев стоит на двух полосках - книгах, а в передней лапе держит цветок. Фигура льва перечеркнута ломиком, упирающимся в книги. Лев в европейской геральдике означает власть, в русской – мужество и благородство; вензеля – традиционное свидетельство верности государю и государству; тройной овал может быть символом Святой Троицы, животворящих сил природы. Книги – знания, которые добываются тяжким трудом (ломик). Каждый знак в этом шутовском гербе свидетельствует о жизненных приоритетах Н.А. Гартвиса. Такой альбом мог быть ему подарен только близким человеком.

Следует сказать, что пассионарность этих личностей, поставленная ими перед собой сверхзадача привлекали к ним, в свою очередь, людей неординарных. Это французский генерал, впоследствии – ученый-географ Антуан Франсуа Андреосси, который организовал поставку сортов винограда из Бордо в Ай-Даниль, и другой боевой соратник М.С. Воронцова – эрцгерцог Иоанн Штирийский, австрийский маршал и русский генерал-фельдмаршал. После наполеоновских войн он занялся естественнонаучными изысканиями в Граце и возглавил Штирийское общество садоводства. Будучи особой королевской крови, он неоднократно передавал для Н.А. Гартвиса с дипломатической почтой посылки с венгерскими и штирийскими (так в тексте Н.А. Гартвиса – А.К.) сортами винограда, пакеты с семена-

ми флорентийской яблони и других культур, адресуя их консулу в Одессе. Он даже посетил Никиту в 1837 г. и удивлялся, по сообщению Н.А. Гартвиса, как можно содержать такое обширное научное заведение за столь незначительные средства. Были и другие сообщники - безвозмездно делился с Н.А. Гартвисом семенами редких растений английский садовод Хав де Ландри, который хотел сделать что-то для Крыма, где воевал в молодости. Отправлял бесплатно, «по казенному» посылки в Никиту безымянный начальник почты в Вольмаре. Господин Струве, российский консул в Гамбурге, переправлял в Лондон посылки из Никиты, полученные морским путем от господина Фишера, директора Императорского ботанического сада в Петербурге.

Нами освещен только первый этап (1825-1840). Созидательного труда двух выдающихся людей, от которых высота замысла требовала колоссальных личных усилий. Немилосердное время позволяло им едва успевать исполнять задуманное. С другой стороны, они опередили Время, уже с большой буквы. Их опыт деятельной любви к крымской земле был востребован активными людьми 70-х годов (Н.Цабель, А.Княжевич, В.Таюрский, Л.Голицын) и был своего рода альтернативой вековой «утонченной заботливости» французских крестьян. Тот факт, что мы изучаем этот опыт спустя почти два столетия, говорит о том, что дела наших героев не подвластны времени вообще.

Насколько многообразна была их деятельность, настолько многообразными могут быть выводы. Можно говорить о доверии и ответственности. О силе собственного примера. О силе красоты окружающего мира. Собственно, главный урок из прошлого для современников может быть представлен в виде не менее амбициозной задачи, чем у первопроходцев – помочь людям увидеть эту вечную, преобразующую человека красоту.

Воспитать личность, живущую в гармонии с окружающей Природой – чем не задача для 21-го века?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов. Опись 3. Фонд 1261. д. Воронцовых, ед. хран. 1334. Письма Н.А. Гартвиса М.С. Воронцову. Л. 1 – 60. Пер с франц. И.В. Чернуха, Ж.Т. Домжо.
2. Архив Никитского ботанического сада - Национального научного центра. Опись 1. 1839. Переписка по вопросам финансирования Сада. Ед. хр. 123. Л.9.
3. Архив Никитского ботанического сада – Национального научного центра. Опись 1. 1840. Исходящие бумаги Никитского сада и Магарачского училища виноделия. На 55 листах. Л.25-27
4. Кеппен П. О виноделии на Южном берегу Крыма. Северный муравей, газета промышленности. №23, 1830 //История виноделия Крыма. Сб. Вып. II. Массандра, 2001.
5. Клепайло А.И. Новый архивный документ из истории «Магарача» // Красновские чтения: Материалы научных конференций к 140-й и 141-й годовщинам со дня рождения Н.П. Краснова (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей): Сб. науч. ст. Симферополь: Издат. Дом «Крым», 2006. – С. 113-117.
6. Крюкова И.В. Никитский ботанический сад. Истории и судьбы. Симферополь: Н. Оріанда, 2011.

Поступила 05.02.2013
©А.И.Клепайло

³ М.С. Воронцов мог оплачивать различные работы по благоустройству, которые проводились по его воле, из собственных средств или из ежегодных 10 тысяч рублей, выделяемых на премии за успехи в садоводстве и виноградарстве, предусмотренных указом от 14.09. 1828 г. Средства на премии накапливались от продажи в частные руки казенных Аккерманских земель.